

Экстра: Хунь Тяньди и Сюйу Туньянь

[К счастью, в этой жизни мы не разминулись.]

Когда именно он полюбил Сюйу Туньяня?

Хунь Тяньди не мог ответить на этот вопрос. Казалось, в один из дней он просто осознал, что привязан к Сюйу Туньяню, а в последующие дни это чувство лишь крепло.

Но любовь — это еще не всё. Люди клана Хунь никогда не ставили чувства во главу угла. А он, Хунь Тяньди, с того самого момента, как принял титул главы клана, видел перед собой лишь будущее своего народа. Ради этого он был готов пожертвовать всем, включая самого себя.

Изначально план был именно таким: он собственноручно убьет Сюйу Туньяня, чтобы тот стал силой, передающейся из поколения в поколение в клане Хунь. А сам он своей смертью обеспечит клану долгое процветание и рождение следующего Императора Боевых Искусств.

Однако в план вмешалась переменная. Имя этой переменной — Хань Фэн.

Получив Кольцо Пространства «Мрачное Море», Хань Фэн решительно явился к нему. Будучи всего лишь Боевым Королем с неполной техникой культивации, он осмелился предстать перед ним и выдвинуть свои условия.

Что тогда подумал Хунь Тяньди? Ему стало интересно. Он принял условия Хань Фэна — прекратить преследование Яо Чэня и помочь Хань Фэну создать свою организацию в обмен на все рецепты из его памяти, а также на десятки будущих Алхимиков для клана Хунь.

Когда Хань Фэн уходил, он столкнулся с Сюйу Туньянем, который пришел в ярость, увидев Пламя Золотого Императора, Сжигающее Небеса. Именно тогда он заключил с Сюйу Туньянем новое соглашение: он подыскивает для Сюйу Туньяня другие Небесные Пламена, обретшие разум, а тот помогает ему в создании организации.

Сюйу Туньянь согласился, а позже сам пришел к нему, склонив голову во второй раз — ради того, чтобы у Небесного Пламени было место, которое можно назвать домом.

Разумеется, впервые он склонил голову, когда сбежал из Пещеры Древнего Императора Тошэ и был пойман Хунь Тяньди.

Впрочем, это всего лишь кров и пристанище. Мир Хунь огромен, выделить там территорию для Сюйу Туньяня было несложно. К тому же... в этом предложении он увидел лучший способ обращения с Небесным Пламенем.

Зачем позволять кому-то поглощать Небесное Пламя? Почему бы не оставить его в живых, чтобы оно защищало Мир Хунь? Пока клан Хунь будет их единственным убежищем, Небесные Пламена будут сражаться за свою свободу, и даже если в будущем клан постигнет беда, они будут биться до последнего, оберегая кровь клана Хунь от исчезновения.

Конечно, если алхимики хотели получить помощь Небесного Пламени в создании пилюль, в Мире Хунь был лишь один способ: получить согласие пламени и временно взять частицу его дочернего пламени.

— Опять думаешь о прошлом? — Сюйу Туньянь вошел из соседней комнаты и, заметив, что

Хунь Тяньди погружен в книгу, невольно вздохнул. — К чему столько раздумий? Это ведь не твой Мир Хунь.

Хунь Тяньди обернулся, его тон был слегка беспомощным:

— Я просто предался воспоминаниям.

Сюйу Туньянь внезапно замолчал, а спустя долгое время произнес со сложным выражением лица:

— Воспоминания... На самом деле, если бы не он, мы бы...

— Но сейчас у нас всё хорошо, — Хунь Тяньди не дал ему договорить. Он поднялся и взял Сюйу Туньяня за руку. — Одного дурака нам вполне достаточно.

Сюйу Туньянь усмехнулся, но всё же обнял Хунь Тяньди:

— И то верно. Одного дурака вполне хватит.

Вспомнив, в каком состоянии недавно видел Сяо Яня, Сюйу Туньянь подсознательно прижал Хунь Тяньди к себе крепче.

Если бы не тот человек, у них с Хунь Тяньди не было бы нынешнего покоя, а клан Хунь не процветал бы так, как сейчас. Они остались в долгу перед тем человеком, и одного слова «спасибо» здесь было недостаточно.

К сожалению, как бы они ни пытались искупить свою вину, того человека больше не было, и им оставалось лишь нести бремя бесконечного раскаяния.

Хунь Тяньди приподнял голову и мягко коснулся губами щеки Сюйу Туньяня, его голос звучал нежно:

— Если ты так беспокоишься, навещай его почаще. В том, что с ним стало, есть и наша доля ответственности.

Сюйу Туньянь долго молчал, прежде чем едва слышно ответить.

То, что Сяо Янь оказался в таком положении, было связано не только с его собственными ошибками, но и с их участием. Если бы не их незримая поддержка, Сяо Янь и тот человек, даже будучи такими неподходящими друг другу, не дошли бы до такой точки.

Но он не жалел о принятом решении. Если бы всё повторилось, он выбрал бы то же самое. Для него в этом мире, помимо Небесного Пламени, не было ничего важнее Хунь Тяньди. Он не мог пожертвовать самым дорогим человеком ради чужого несчастья.

Поэтому он чувствовал вину перед тем человеком, чувствовал раскаяние перед Сяо Янем, но никогда не жалел о содеянном.

— Оставь это, — видя, что Сюйу Туньянь не может выбраться из гнетущих мыслей, Хунь Тяньди тихо вздохнул, взял его лицо в ладони и поцеловал.

Сюйу Туньянь замер, затем на его лице промелькнула слабая улыбка, и он прикрыл глаза, отвечая на поцелуй.

Как хорошо, что они, в отличие от Сяо Яня и Хань Фэна, не оказались разлучены смертью навсегда.

Экстра 2: Сяо Янь

[Время легко ускользает, краснеют вишни, зеленеют бананы.]

Закрыв глаза, открыл — и Сяо Янь с ужасом осознал, что не может управлять своим телом. Нет, он не просто потерял контроль, он лишился силы: духовная энергия не отзывалась, Боевая Ци исчезла без следа.

— Раз проснулся, вставай. Долго валяться в постели — не лучшая привычка.

Внезапно раздавшийся холодный голос заставил Сяо Яня вздрогнуть. Он машинально посмотрел в ту сторону, и знакомое лицо, внезапно возникшее перед глазами, парализовало его от страха.

Хань Фэн...

Хань Фэн, который до этого молча наблюдал за Сяо Янем, вздохнул, поднялся и подошел к кровати. Он помог Сяо Яню сесть, подложив за спину подушку, чтобы тому было удобнее.

Закончив, он вернулся на свое место, сцепил пальцы в замок и с бесстрастным лицом произнес:

— Нам нужно серьезно поговорить.

Сяо Янь моргнул, внезапно вспомнив: это случилось после первого слияния с Небесным Пламенем. Тогда возникли побочные эффекты, он подсознательно, ведомый зовом Формулы Огня, нашел Хань Фэна и попытался подавить его, но в итоге сам оказался в ловушке. Потеряв сознание, он был принесен Хань Фэном в маленький бамбуковый домик.

— Не думаю, что нам есть о чем говорить.

Холодный голос вернул Сяо Яня в реальность. Он снова испугался. Это был его собственный голос, и эти слова он действительно произносил тогда. Он помнил, что вел себя неразумно, потому что не мог принять случившегося.

Он начал понимать, почему не чувствует силы и ничего не может сделать. Потому что это было его прошлое.

Стоило ему на мгновение отвлечься, как время перенеслось к моменту, когда Хань Фэн был без сознания. Сяо Янь до сих пор помнил то ледяное прикосновение. Увидев лежащего без чувств Хань Фэна, он внезапно заметил, что лицо того бледнее, чем он помнил — словно у умирающего.

На самом деле, лицо не было бледнее, просто тогда он совершенно не заботился о жизни Хань Фэна. Если бы Хань Фэн умер, он, возможно, даже отпраздновал бы это событие. Он не уделял Хань Фэну внимания, лишь изредка поглядывал на него, чтобы тот не скончался — только ради того, чтобы не навлечь на себя гнев Ань И и других.

Сяо Яню хотелось броситься к Хань Фэну, обнять его, избавить от боли. Но он не мог. Он был лишь сторонним наблюдателем, чье тело ему не подчинялось.

К счастью, его взгляд не был прикован только к Хань Фэну: когда «прошлый» Сяо Янь уходил, взгляд перемещался вместе с ним. Как и ожидалось, он видел только то, что пережил сам — скрытые от него истины он здесь увидеть не мог.

Впрочем, того, чего он не знал, было не так уж много. Благодаря безумным вопросам Ань И и случайным откровениям Ин Ши, скрытые факты постепенно складывались в общую картину.

Но куда бы ни перемещался взгляд, он неизменно возвращался к Хань Фэну. И каждый раз Сяо Янь старался всмотреться внимательнее — не только из желания лучше понять Хань Фэна, но и потому, что хотел увидеть его лишний раз.

В реальности от Хань Фэна не осталось даже костей. Только здесь он мог видеть его — живого, способного улыбаться и страдать.

Глядя на горькую улыбку Хань Фэна, Сяо Янь чувствовал, как сердце обливается кровью. Он хотел броситься к нему, умолять не мучиться так сильно, но в реальности он лишь оставался запертым в своем прошлом, беспомощно наблюдая за происходящим.

Никогда прежде он так отчетливо не осознавал жестокость времени. То, что он когда-то выбросил как ненужный хлам, сейчас стало для него недостижимым сокровищем.

— ...Младший брат, не хочешь ли ты взять меня в жены? Я умею всё, кроме как рожать детей.
— Хань Фэн, улыбаясь, прислонился к «Сяо Яню», и в этой улыбке скрывалось едва заметное ожидание. Если бы Сяо Янь не был так внимателен, он принял бы это за шутку.

— Я люблю женщин!

Ответ был таким же, как и всегда. Сяо Янь в мучении закрыл глаза, не смея видеть выражение лица Хань Фэна.

Конечно, он хотел! Как он мог не хотеть? Это был его старший брат, человек, которого он хранил в глубине своего сердца. Он предпочел бы ранить себя, чем видеть хоть мгновение печали на лице любимого, но он сам, своими руками, выбросил это счастье.

Тот, кто с улыбкой говорил ему «люблю», кто делал всё возможное, чтобы помочь ему, кто переживал из-за его неприятностей — он потерял его. Ни на небесах, ни на земле этого больше

не найти.

— До окончания Собрания Алхимиков не говори никому о любви, и мы вернем тебе Сяо Чжэня. С этого момента твои счета с Залом Душ будут сведены. Зал Душ не тронет ни тебя, ни твоих близких, а ты больше не будешь искать неприятностей с Залом Душ. — Когда Хань Фэн ушел навестить друзей, внезапно появился Почтенный из Зала Душ и холодно выдвинул это странное, но на первый взгляд выгодное для Сяо Янь условие.

— Не только моего отца, но и других членов Семьи Сяо, а также Яо Чэня, — прошлый Сяо Янь сжал кулаки, но сохранил спокойствие.

Сяо Янь знал, почему тогда согласился: у него не было сил противостоять Залу Душ, и вместо того, чтобы рисковать жизнями близких, лучше было согласиться. А месть... лучше отпустить ненависть, чем снова подвергать семью опасности.

Он потерял слишком много родных, он не мог позволить себе потерять отца и двух братьев.

Глядя, как Почтенный из Зала Душ удаляется, Сяо Янь закрыл лицо руками и тихо рассмеялся. Смех становился всё громче, пока не превратился в рыдания.

Как же он был глуп! Разве мог Зал Душ выдвинуть столь невыгодное для себя условие? Они сделали это лишь для того, чтобы Хань Фэн отправился в клан Хунь и создал Императорскую Пиллюлю! Один Хань Фэн был важнее, чем Сяо Янь, важнее, чем все восемь древних кланов вместе взятых!

Кто такой Хань Фэн? Единственный человек на Континенте Боевых Искусств, который не будучи Императором, мог создать Императорскую Пиллюлю и вывести закономерности составления рецептов! Можно сказать, пока на континенте живут алхимики, никто не забудет Хань Фэна!

Для Континента Боевых Искусств Хань Фэн был тем же, кем для него в прошлой жизни были великие ученые.

— Сяо Янь, я очень люблю тебя. А ты любишь меня? Хотя немного.

— ...Прости.

Нет! Нельзя было отказывать Хань Фэну! Нельзя! После этого отказа он навсегда потеряет его! Ни в коем случае!!!

— Младший брат, почему ты извиняешься передо мной...?

— Прости.

— ...Неужели ты даже не можешь мне солгать?

Невесть откуда взявшаяся сила позволила Сяо Яню вырваться из оков. Он схватил Хань Фэна за руки с такой силой, что, казалось, сейчас раздавит его ладони.

— Старший брат... не уходи...

Этот внезапный крик «старший брат» заставил Хань Фэна поднять голову. Его лицо выражало полное потрясение и растерянность, он не мог вымолвить ни слова.

Крепко держа Хань Фэна, не давая ему уйти, Сяо Янь смотрел в холодные голубые глаза, в которых отражался он сам — отчаянный и беспомощный. Он хотел улыбнуться, но лишь выглядел еще более жалко:

— Я... — люблю тебя.

Стоило ему произнести лишь одно слово, как тьма поглотила всё. Все чувства начали покидать его. Даже изо всех сил пытаясь удержать крупицу тепла в своих ладонях, он с отчаянием осознал, что даже это тепло исчезает.

Перед тем как провалиться в забытие, в его сердце навсегда врезался тихий, едва слышный вздох: «Сяо Янь, прости, я люблю тебя».

.....

Открыв глаза, он растерянно огляделся. Знакомая обстановка и медленно струящаяся в теле Боевая Ци ясно говорили: он вернулся.

Вспомнив что-то, он резко сел и в панике достал из Кольца Пространства «Мрачное Море» черную тетрадь.

Это была тетрадь Хань Фэна с записями о закономерностях рецептов. Там не было ничего, кроме сухих фактов. Но Сяо Янь листал страницу за страницей, пока в узком переплете страницы с «безумным» рецептом «Забвения чувств» не обнаружил крошечную, размером с кунжутное зернышко, надпись:

«Забыть чувства невозможно, но можно забыть воспоминания. Моей любви».

Глядя на эти слова, Сяо Янь хотел улыбнуться, но не смог. Уголки губ, словно налитые свинцом, тянуло вниз.

На лице стало прохладно. Он провел рукой по щеке и почувствовал влагу.

Он плакал...

И в воспоминаниях, и в реальности Хань Фэн не был тем бессердечным человеком, каким он его считал. Хань Фэн просто умел скрывать свои чувства лучше других, а он сам, по иронии судьбы, никогда ему не доверял.

— Хань Фэн... старший брат...

<http://bllate.org/book/21599/2226999>